

ПРОЛОГ

О тсюда сверху может показаться, будто все у Мэгги в порядке, все идет своим чередом. Во всяком случае покрытые оболочкой желтенькие таблетки она раскладывает на большой обеденной тарелке как всегда аккуратно, без спешки. Она выдавливает их из упаковки даже чуть медленнее, чем обычно, перегибая блистер до тех пор, пока очередная таблетка не выскользнет из гнезда и не звякнет по фаянсу. Этот звук явно доставляет Мэгги удовольствие. Все годится, лишь бы нарушить невыносимую тишину.

Положив перед собой восемь таблеток, Мэгги берет с буфета стакан с водой, который налила еще в обед, и в последний раз проверят настройку духовки. Сегодня она разогревает пирог с цыпленком, значит, таймер надо установить на двадцать пять минут. Достаточно, чтобы успеть покончить с оставшимися делами.

Взяв стул, Мэгги садится к кухонному столу спиной к двери. Перед ней на клеенке — пачка счетов. Все оплачены, но валяются как попало. Порывшись в сумочке, Мэгги извлекает оттуда свою самую большую драгоценность — пресс-папье, сделанное из куска камня и раскрашенное детской рукой. Камень она кладет на стопку счетов, предварительно выровняв их ладонью.

Наведя таким образом порядок, Мэгги берет ручку и щелкает кнопкой. Это роллер — один из немногих, в котором еще остались чернила. Еще несколько таких ручек — пишущих и не пишущих — валяются вместе со всяким хламом в ящике кухонного стола. Роллер пишет прекрасно, он скользит по бумаге без малейших усилий. От него не сводит пальцы, как часто бывало после того, как Мэгги почти неделю писала неудобной шариковой ручкой.

Ее почерк остается аккуратным и четким, хотя буквы и выходят несколько крупнее обычного. Вот она заканчивает последнее предложение: послание Фрэнку готово. Если ее и терзают какие-то сомнения, по ней это совершенно не заметно — разве что запятая в одном месте слегка размазалась, но, чтобы разглядеть это, нужно всматриваться очень пристально.

Наконец Мэгги захлопывает красный кожаный ежедневник, собирает таблетки в ладонь и, отправив их в рот, запивает глотком воды, запрокинув голову далеко назад. Со стороны этот способ принимать таблетки кажется несколько театральным, но так Мэгги приучили поступать еще в детстве, и за последующие полсотни лет она так и не сумела перерасти давнюю привычку.

В первые несколько минут ничего как будто не происходит. Не вставая со стула, Мэгги чистит фасоль, сдвигая пустые жесткие стручки на угол разделочной доски. Потом лекарство начинает действовать, и ее тело охватывает волна расслабления, движения становятся медленными и неуверенными, рука с ножом дрожит.

Еще несколько секунд, и Мэгги, мягко подавшись вперед, роняет голову на стол. Это происходит очень быстро; так же быстро она засыпает на середине очередного французского фильма, которые Фрэнк ставит для нее каждый воскресный вечер, если погода дождливая. К сожалению,

ИГРА В МОЛЧАНКУ

сейчас его нет рядом, и некому смягчить падение, подставить плечо или руку. Голова Мэгги глухо стучается о стол.

И еще... На этот раз она не проснется.

Фрэнк сидит в своем кабинете, неотрывно глядя на экран компьютера. Конец уже близок: черные пешка, конь и слон, которыми управляет программа (игра настроена на уровень для начинающих) надежно заперли в углу его последнюю надежду — белого ферзя. Стыд и позор! Он — успешный ученый, доктор биологии, но до сих пор ему так и не удалось перейти на второй уровень. Фрэнк всегда верил, что настойчивость открывает любые двери (одна из его любимых поговорок), но сейчас эта фраза звучит несколько издевательски.

Раньше, когда Мэгги еще звала его к ужину, Фрэнк частенько бывал настолько погружен в очередную шахматную партию, что ничего не слышал. Тогда она накрывала на стол, а потом входила в кабинет и, опустив руки ему на спину, массировала большими пальцами мышцы между лопаток, пока на экране не появлялась неизбежная надпись «Вам шах!» или «Вам мат!» Ну ничего, может быть, в следующий раз тебе повезет больше, говорила тогда Мэгги, чтобы выманить его в столовую. Возможно, она и допускала, что компьютерные шахматные алгоритмы Фрэнку не по зубам, однако ей не хотелось видеть, как сильно он огорчен очередным проигрышем.

Но сегодня Мэгги почему-то не пришла. Ничто не отвлекало его от игры до тех пор, пока в его сознание не проникла пронзительная трель пожарной сигнализации. В первую минуту Фрэнк больше удивился тому, что система еще работает, чем самому сигналу об опасности. Мэгги нельзя было назвать безупречной хозяйкой: у нее на плите всегда могло что-то подгореть и заставить рабо-

тать датчик дыма. Вот и хорошо, подумал Фрэнк, по крайней мере теперь не нужно вооружаться ручкой от швабры и проверять, жив ли аккумулятор (эту процедуру полагалось проводить каждые три месяца). Что касалось кулинарных способностей Мэгги, то он никогда не тешил себя иллюзиями. Начало их совместной жизни словно верстовыми столбами было отмечено кулинарными конфузами — правда, пожарная система срабатывала не каждый раз. Фрэнк хорошо помнил Кривой Бисквит семьдесят восьмого года (это было их то ли пятое, то ли шестое свидание), Железобетонный Крапахан¹ семьдесят девятого (тогда Фрэнку, придумавшему это название, пришлось провести ночь в отдельной комнате) и Гастроэнтеритный Заговор на свой день рождения, который они организовали на заднем дворе — неухоженном и заросшем (к счастью, на праздник были приглашены только самые близкие друзья, которые были настроены более чем снисходительно). Но — странное дело!.. После того, как сходили на нет последствия, каждая неудача Мэгги с десертом чудесным образом заставляла его чувствовать, что он любит жену еще капельку сильнее.

Тревожный звонок был таким пронзительным и настойчивым, и в конце концов Фрэнку пришлось бросить игру. Некоторое время он гадал, почему Мэгги не реагирует на сигнал и почему она не предпримет что-нибудь, что бы справиться с неприятностью.

Дым он почувствовал еще до того, как увидел. Бросившись в кухню, Фрэнк обнаружил чадящую духовку, в которой что-то сгорело: должно быть, Мэгги прилегла, что в последнее время случалось с ней все чаще, позабыв про

---

¹Крапахан — шотландский десерт из овсяных хлопьев. (*Здесь и далее — прим. переводчика.*)

ИГРА В МОЛЧАНКУ

ужин. Ну да ладно... Одной рукой Фрэнк выключил нагрев, а другой потянулся к висевшему на поручне сувенирному чайному полотенцу, чтобы с его помощью разогнать дым. Дыма оказалось гораздо больше, чем ему показалось вначале, поэтому даже полотенце из тонкого корнуольского полотна справилось с ним не сразу. Чистый воздух! Вот что ему нужно!.. Фрэнк бросился к окну и только тогда заметил Мэгги.

Понять, что произошло, ему помогла не пустая упаковка из-под лекарств, не опрокинутый стакан с водой и не разбросанные по столу пустые фасолевые стручки. Внезапная, острая боль в груди пронзила Фрэнка, пол ушел из-под ног, стены закачались, а потолок прогнулся... казалось, весь мир вот-вот разлетится вдребезги, потому что он понял, что совершила Мэгги, пока он сражался с компьютером в шахматы.

Он все же распахнул окно, и пока дым нехотя выплывал наружу, вернулся к столу и коснулся ее запястья, надеясь нащупать хоть что-то — пульс, легкую дрожь сухожилий — хоть что-нибудь! Быть может, еще не слишком поздно. Другой рукой Фрэнк потянулся к телефону. Он никогда не был на «ты» с техникой и на мгновение ему показалось, что он не сможет — просто не сможет! — сделать этот звонок. Фрэнк действительно едва не бросил трубку, но пересилил себя.

— Алло, вы позвонили в службу экстренной помощи. С кем вас соединить — с пожарной командой, скорой помощью, с полицией или береговой охраной?

Фрэнк молчал, не в силах издать ни звука.

— Сообщаю вам, что ложный вызов или звонок с целью шутки представляет собой серьезное правонарушение и может привести к гибели людей, которые, возможно, как раз в этот момент пытаются дозвониться в службу спасения.

— Я... мне нужна скорая, — с трудом прохрипел Фрэнк. — Срочно!..

— Соединяю с диспетчерской службой скорой помощи, сэр.

И новый голос:

— Скорая помощь слушает. Назовите ваш адрес.

— Оксфорд, Дигби Креснт, дом 43. — Голос Фрэнка по-прежнему звучал хрипло, так что он сам едва его узнавал. В последние несколько месяцев он был уверен, что у него совсем не такой голос. Другой. Нормальный голос, а не...

— Что случилось?

— Моя жена, она... Она приняла слишком много таблеток. Снотворных таблеток.

— Мы немедленно вышлем машину. Скажите, ваша жена в сознании? Вы можете нащупать пульс? Она дышит?..

— Я... я не знаю. Не могу сказать точно.

— Скажите, сэр, как вам кажется — это был намеренный поступок?

Молчание.

— Любая дополнительная информация, сэр, может помочь вашей жене. Скажите, в последнее время ваша супруга не упоминала о намерении причинить себе вред? Или, быть может, с ней и раньше случались депрессии?

— Видите ли, дело в том, что... Мы некоторое время не разговаривали. Точнее, это я с ней не разговаривал... Это длилось... почти шесть месяцев.

EE

МОЛЧАНИЕ

//////////

— 1 —

Ничто не угнетает психику так сильно, как комнаты ожидания в больницах. Ряды исцарапанных пластиковых стульев вдоль стен, назойливое гудение торгового автомата, резкий общий вдох, когда в дверях появляется консультант реанимационного отделения со свежими новостями, несущими кому-то горе или надежду... Можно подумать, комнаты ожидания специально устроены таким образом, чтобы не дать человеку ни на секунду расслабиться. А ведь зачастую бывает, что ты еще толком не понял, почему и зачем ты здесь...

Мэгги всегда говорила, что *моя* главная добродетель — терпение. Можно было подумать — она верит, что положительные качества распределяются между состоящими в браке людьми точно так же, как домашние обязанности. Ей самой терпения всегда не хватало. Словно наяву я вижу, как она ждет гостя, письма по электронной почте или эсэмэски: мы сидим на диване, и одно ее колено дрожит и подпрыгивает, тогда как другое, на которое я кладу руку, чтобы ее успокоить, совершенно неподвижно. Просто поразительно, как много неумной энергии было сконцентрировано в этом маленьком теле. Мэгги хватало сил беспокоиться и переживать обо всем и обо всех. Впрочем, я никогда не хотел, чтобы она была другой, я боялся толь-

ко, как бы эта рвущаяся наружу энергия не привела к короткому замыканию, не обожгла ее душу так сильно, что даже я не сумею ей ничем помочь. В последние четыре десятка лет я вполне успешно справлялся с этими проблемами — и вот чем все это закончилось. Впрочем, попытаться что-то изменить никогда не поздно, в этом я был уверен.

Часы над моей головой издали какой-то сдавленный хрип. Я уже знал, что таким образом они отмечают очередной час. Я ждал уже довольно долго, и это казалось мне плохим предзнаменованием. Если бы на месте здешних врачей оказалась Мэгги, думал я, она бы давно разобралась, в чем проблема: за сорок лет работы медсестрой моя жена набралась достаточно опыта, чтобы без труда поставить диагноз самой себе. Да и огромное количество «больничных» телевизионных сериалов, которые она постоянно смотрела, тоже сыграло свою роль. «У этого парня острая тахикардия,» — без тени сомнения говорила она мне, когда в субботу вечером мы засиживались перед телевизором. Бывало, Мэгги даже брала в руки пульт, чтобы уменьшить громкость и договорить без помех: «Жаль, такой молодой человек и так серьезно болен... Я давно заметила, что тахикардия все чаще встречается у молодых горожан, которым каждый день приходится сталкиваться с самыми разнообразными стрессовыми ситуациями...»

— ...Профессор Хоббс? — спросил врач, останавливаясь передо мной.

— Да, это я, — ответил я, начиная подниматься с кресла. Во всем облике этого врача было что-то, что невольно наводило на мысль о профессионализме и высокой квалификации. Аккуратный пробор в черных, уложенных гелем волосах, накрахмаленный халат без единого пятнышка, сверкающие туфли. Даже бейджик с именем был приколот к халату точно под нагрудным карманом, параллельно

ИГРА В МОЛЧАНКУ

нижнему шву. Глядя на него, я вдруг осознал, каким неряхой я выгляжу, и машинально провел рукой по голове, приглаживая остатки волос.

— Меня зовут доктор Сингх. Я — больничный врач-консультант и занимаюсь лечением вашей супруги. Не могли бы вы пройти со мной?..

Вслед за ним я вошел в высокие двойные двери, из которых доктор Сингх появился минуту назад. На мгновение у меня в сердце вспыхнула надежда, что меня ведут к Мэгги, но я ошибся. Вместо этого меня провели в небольшую комнатку напротив нейрохирургических операционных, и я почувствовал, как моя надежда гаснет.

Доктор Сингх сел за стол, на котором стоял компьютер, и жестом предложил мне свободный стул. Сам он включил компьютер и принялся рыться в стопке медицинских бланков, сложенных на углу стола. За его спиной крутился большой вентилятор на подставке, и края бланков трепетали в потоке воздуха.

— Прошу прощения, сегодня что-то душновато, вы не находите? Когда же наконец закончится эта жара?!

Доктор явно преуменьшал проблему: я давно чувствовал, как обильно проступает у меня под мышками пот, однако сейчас мне было не до вежливых разговоров о погоде, поэтому вместо ответа я устался на мыски своих ботинок. Доктор Сингх, впрочем, не заметил моего молчания, так как его компьютер наконец-то загрузился. Несколько минут врач изучал что-то на экране, потом вздохнул.

— Скажу вам прямо, профессор: ваша жена... словом, прогноз не слишком благоприятный. Когда вчера вечером миссис Хоббс привезли к нам, ее центральная нервная система уже практически перестала функционировать. К счастью, медперсоналу скорой удалось поддержать ее дыха-